

УДК 821.511.132-1

Л. Е. Сурнина

КОМИ ПОЭЗИЯ 1920–1930-х гг.:
СЕМАНТИКА И ПОЭТИКА

В статье изложены результаты исследования коми лирики 1920–1930-х гг., в частности, поэтического творчества В. А. Савина. Для литературы нач. XX в. было характерно отражение и решение таких эпохальных задач, как утверждение и укрепление нового общественного строя, воспитание трудящихся в духе социалистических идеалов интернационализма, борьбы с буржуазной идеологией и старой моралью. Этому процессу была созвучна и лирика коми поэтов, творчество которых – это творчество поэтов времени, когда «новая» советская коми поэзия начиналась с публицистических посланий. Предметом данного анализа стала стихотворная публицистика В. Савина. Выявлено, что необходимым структурным элементом для воспроизведения гражданского, патриотического пафоса произведений выступает их ритмико-интонационный строй и лексический состав. Также установлено, что стихотворная публицистика представлена образами лирического героя и субъектом сознания «мы», объединенными одним эмоциональным тоном. Актуализированные в работе проблемы вписываются в комплекс исследований современного финно-угорского литературоведения.

Ключевые слова: коми лирика, В. Савин, стихотворная публицистика, композиционная организация, лексический состав произведений, лирический герой, субъект сознания «мы».

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-83-90

Период 1920–1930-х гг. на литературной арене характеризуется такими особенностями, как «начало формирования человека новой социалистической формации, отрицание старого, утверждение нового, сотворение нового героя – реалистического образа, борющегося за это общество» [Юсупова 2017, 44]. Авторы «Истории коми литературы» отмечают, что идейно-эстетические взгляды, проповедовавшиеся футуризмом, имажинизмом, конструктивизмом и другими формалистическими течениями, родившимися еще до Октября, не оказали сколько-нибудь заметного влияния на коми советскую литературу. Однако идейно-эстетические течения, направляемые пролеткультовской и рапповской теорией, вовлекли и коми литературу в свою орбиту [Ванеев, Демин 1980, 109]. Как и в стихотворениях советских писателей, написанных в соответствии с новыми идейно-эстетическими установками, так и в поэтических произведениях коми поэтов присутствуют три основных мотива идеологического содержания: вера в светлое будущее, жертвенность на пути священной борьбы, борьба за свободу, новую жизнь. Эти мотивы проявляются в основном в повторяющихся устойчивых образах Родины, Красного знамени, борца и способствуют раскрытию романтической, но удаленной от реальной действительности борьбы [Юсупова 2017, 45]. Схожая тенденция наблюдается и в коми поэзии. Так, например, в одном из своих стихотворений В. Савин так определяет назначение своего поэтического творчества: *йӧз сьӧлӧмӧ чуксася коми сьыланкывӧдн, коми йӧзӧс гажӧда, шогсӧ*

налысь пальёда, лёка олём «вуштышта», бура олём ошкышты (букв.перевод: в сердца людей проникаю своим зовом – коми песней, коми людей радую, горе развеваю, плохую жизнь «выскоблю», хорошую – похвалю; «Сьёлём сьылё» – Песня сердца).

Виктор Алексеевич Савин (Нёбдинса Виттор, 1888–1943) – один из зачинателей коми советской литературы – поэзии, прозы и драматургии; автор стихов и поэм, прославляющих революцию, лирических песен в народном стиле, сатирических фельетонов, басен; основатель коми национального театра. Поэзия В. Савина представлена на языках финно-угорских народов [Lytkin Illavač 1926; Enne koitu... 1996; Käenkukunta yöt... 1984; Medveének... 1975]. Статья о Нёбдинса Виттор имеется в одном из томов венгерской «Энциклопедии мировой литературы» [Vászolyi Erik 1992]. Можно говорить о том, что В. Савин принадлежит сразу нескольким литературам: коми – по своей национальности и языку, российско-советской – по предметности поэзии, темам и мотивам, сближающими его с целым рядом поэтов-современников, и по своему времени, когда он стал и был поэтом – времени становления советского строя. Действительно, творчество В. Савина приходится в основном на послереволюционный период (1918–1937). И для лирического героя большинства его стихотворений характерна активная жизненная позиция: он славит наступление революционной эпохи, призывает трудящихся встать под Красное знамя революции, отстоять ее завоевания и стряхнуть с себя вековую покорность:

*Чолём тэныд, муса вёля!
Талун ыджыд праздник лун,
Вежа вёля ловзис;
Гёрд плаг улё лок да сувт,
Нинёмысь эн повзъы!
Сьёкыд пёра кольё бёрё,
Долыд олём – водзын...
«Чолём»*

Привет тебе, милая воля!
Сегодня день большого праздника,
Святая воля воскресла;
Под красный флаг иди да встань,
Ничего не бойся!
Тяжелая пора остается позади,
Радостная жизнь – впереди!...
«Приветствие»

Революционность поэта, его мироотношение, общие взгляды, душевные переживания выражаются в принципах композиционной организации стихотворений и характере словоупотребления. Для стиля савинских произведений характерна повышенная и открытая эмоциональность: *Сыныштолй ёнджыка, Коми бур вокъясёй! Зильджыка вуджамой Сім пемыд ю вомён! Югыдлань восьлалёй, Чорыда тувчалёй* (Гребите мощнее, Добрые коми братья! Смелее переплывем Через ржавую темную реку! К свету шагайте, Крепко вступайте). В этих строчках чувствуется уверенность героя в своих силах, желание преобразовывать и «ковать» новую жизнь для своего народа. Хотя для стихотворной публицистики В. Савина наиболее характерен громкий и оптимистический призыв к революционному действию, можно говорить о том, что вызван он не только и не столько социальной значимостью изображаемых и переживаемых событий, сколько психологическим ощущением начала какого-то нового, никогда прежде не совершаемого крупного социально-политического процесса. С приходом революции поэт связывал большие надежды на обновление села, жителям которого приходилось зарабатывать на жизнь тяжелым трудом:¹

*Нэм чёжыс крестьянин ньылалис шогсё,
Мусё вынсьодлис ньылёмнас пыр,
Сэтчё чегъявліс кисё и коксё...
Сиктлён сьёкыдлун кольёма ылё,
Аддзан, ытйёмён озьялё кадыс!
«Коллектив»*

Всю жизнь крестьянин проглатывал горе,
Землю укреплял своим потом,
Там ломал и руки, и ноги свои...
Трудности села остались позади,
Видишь, загорелась пламенем жизнь!

¹ Здесь и далее подстрочный перевод коми текстов наш – Л. С.

Поэт верил, что Октябрь положит конец нищете сельских жителей:

*Нимкодъ босьтö: бырö важыс,
Сиктöй некор нин оз ло:
Няйта, лöма,
Киссьöм кöма.*

«Сиктлы»

Радостно: старое исчезает,
Село мое никогда уже не будет:
Грязным, шелудивым,
В истоптанной обуви.

«Селу»

Поэтому его стихи, посвященные революции, полны нескрываемой радости и восторга: *Йöкты, сьöлöмöй! Нимкодьясь, ворс!* (Пляши, сердце мое! Радуйся, резвись!); *Зэв нимкодъ сьöлöмлы! Уджавны чужсьöма / Бур лöсьыд кадьясö* (Так радостно сердцу! Рожден для работы в хорошие времена). Мрачные картины людского горя, страданий, уступают место мажорному, одическому утверждению начавшихся в стране перемен, свершившихся благодаря революции. Страстное стремление к лучшей жизни, романтическая тяга к идеалу часто воплощаются в системе ассоциативных связей, создающих романтический образ лирического героя. Так, в стихотворении «*Кор долыд*» (Когда радостно) жажда грандиозных перемен в жизни общества ассоциируется с процессом естественного обновления природы:

*Кор пöлышитас шоныд тöв ру,
Кор мыччыяс лым улысь му,
Кор потласяс пуяслön кор,
Кор вежöдас быдсяматор, –
Радлö сэк сьöлöм!
Тулыс со воö!
Кор ланьтыштö важ пöрысь йöз,
Кор кыпöдчö вына том йöз,
Кор янсалö выль оланног,
Кор весась важ курыд шог, –
Радлö сэк сьöлöм!
Локтö выль олöм!*

Когда ветер теплый повеет,
Когда видна будет земля из-под снега,
Когда почки на деревьях полопаются,
Когда всё зазеленеет вокруг, –
Радуется сердце!
Весна приближается!
Когда смолкнет злословие стариков,
Когда поднимается сила молодых,
Когда виднеется новая жизнь,
Когда несчастья старой жизни уйдут, –
Радуется сердце!
Новая жизнь приближается!

Следует отметить, что в поэтических текстах периода 1920–1930-х гг. превалирует принцип сопоставления прошлого и настоящего, а противоречия двух эпох определяют сущность многих произведений данного периода. Дореволюционная жизнь рисуется как нечто темное и противопоставляется «положительно изображаемому социалистическому образу жизни» [Юсупова 2014, 208]. Так, например, поэма В. Савина «Сыктывкар» построена на контрастах: противопоставлены старая тяжелая жизнь коми народа и его новая счастливая жизнь в советское время. Прошлое коми народа рисуется поэтом мрачными красками:

*Гöлöва Кирпушев Онисим Гриш:
Вот перйис, войтырöс розгаён нöйтис,
Унаöс колода пиö сэк йöртлис,
Тöв шöрын новлöдлис дзик пась ни кöм.
Тадзи вот чегисны шеньшитöм бордьяс.
Жугыля нюклясис сьöд парма вөр.*

Главный Кирпушев Онисим Гриш:
Налог собирал, коми народ розгами бил,
Многих тогда на колоду сажал,
Средь зимы без одежды водил.
Так были сломаны размахнутые крылья.
Печально сгибалась глухая парма.

И совсем другая, радостная интонация звучит во второй части поэмы. Поэт пишет о весеннем пробуждении земли, радуется индустриальному преобразению Коми края. Его радуют возводимые комбинаты и заводы, он приветствует рождение коми рабочего класса:

Лунысь лунö
Гажа шумöн
Кыттöны гигантъяс.
Тэнад быдман öдъяс гырысь,
Выль, сöветскöй Сыктывкар!
Быдман збоя, нимкодъпырысь,
Пытикад ытйö кöсьян жар.

День изо дня
Радостным шумом
Развиваются гиганты.
Твои растущие силы большие,
Новый, советский Сыктывкар!
Растешь ты бойко, с радостью,
Внутри горит желанный жар.

Целесообразно отметить особый лексический состав произведений В. Савина, с условным разделением его на две смысловые группы. Первая – это слова со значениями ненависти и возмущения: «лэк йöз» (плохие люди), «врагъяс-понъяс» (враги-собаки), «сöд пемыд вой» (как сажа темная ночь), «важ пöрысь йöз» (старые люди из прошлого), «важ курыд шог» (старое горькое горе), «пемыд олöм» (темная жизнь), «важ олöм» (старая жизнь), «омöля олím» (плохо жили), «пемыд и руд» (темный и серый). И вторая группа – выражения оптимизма: «муса йöз» (милые люди), «муса вöля» (милая воля), «долыд олöм» (радостная жизнь), «бура, гажса» (хорошо, весело), «вына том йöз» (сильные молодые люди), «вынъяса сойяс» (сильные руки). За каждой группой слов подразумевается определённая смысловая коллизия, содержательный контекст, противопоставление которых интерпретируется антитезой: «важ олöм» – «выль олöм» (старая жизнь – новая жизнь). При передаче общих контуров того, что составляет картину «новой» жизни, поэт использует лексику с более сильной смысловой нагрузкой в эмоциональном и экспрессивном плане:

Ёнмöны варышгъяс,
Сöвмöны лэбачьяс, –
Шывгöны
Шудлань, долыдлань,
Югыд шондiлань.
«Вит»

Крепнут соколы,
Набираются сил птицы, –
Несутся с шумом
К счастью, к радости,
К яркому солнцу.
«Пять»

Своеобразная лексика и синтаксис стихотворений способствуют выражению лирической мысли на высокой оптимистической ноте. При характеристике «старого» мира, отрицательных явлений в обществе, недостатков человеческих характеров используются поэтические выражения, смысловая интеграция которых также формируется посредством метафор и сравнений, уточняющих авторскую позицию: «Лэк йöз мянö матыстчö, / Муса чужан му босътны кöсьысьö» – «Плохие люди к нам приближаются, родную землю нашу хотят отобрать» (Гöрд звон – Красный звон), «Озыр йöзлөн бырё вын, / Лысва моз гож водзын» – «У богатых людей силы исчерпались, словно роса перед солнцем» (Чолöм – Привет).

Самым верхним пластом советской лирики в кон. 1920-х – 1930-х гг., по мнению исследователей, стали стихи, «обслуживающие» советский культ героев и вождей [Подлубнова 2011, 261]. Первой фигурой, которая получила канонизацию в рамках советской действительности, был В. И. Ленин. Коми поэзия, как и поэзия других регионов, в 1930-ые гг. активно включалась в процесс создания культа личности вождей и героев. Коми поэзия демонстрировала общие тенденции, сложившиеся в официальной советской литературе. Ленин – отец, мудрец, направляющий, за которым идут миллионы, – таковы образы ленинианы этого времени. Воспроизводя клише эпохи, коми поэты тем не менее были достаточно искренни в своих чувствах. Для поэтов Ленин олицетворял высшую божественную инстанцию, с которой традиционно имели дело и народное сознание, и поэзия. Поэты вкладывали совершенно определенные эмоции в стихи о Ленине. С этой точки зрения верным оказалось мнение Урсулы Юстус, утверждавшей на примере ленинианы, что «советскому фольклору удалось превратить инсценированный траур в, казалось бы, истинно ощущаемые скорбь и печаль, где «я» певцов не является функцией жанра, но доказательством действительно прочувствованного и аутентичного траура на-

рода» [Юстус 2000, 927]. В поэме В. Савина «Кодлы овны ёні долыд» (Кому жить сейчас хорошо) для определения авторской позиции большое значение имеет образ незнакомца, разъясняющего коми крестьянам, что такое Советская власть и кто такой Ленин: *Ёні, ёртъяс, шуны колё, Вывти сэтиём кокныд олём Миян ёні эз на ло – Война муніс сизим во... Гёгөрвоад жё од ті: Сöвет властьыс – ставным ми! Ленин ... Сійё миян кодъ жё ёрт, Став йёз пытикысь бөрйём морт* (В настоящее время, друзья, надо сказать, Совершенно спокойной жизни У нас еще нет – Война длилась семь лет... Понимаете ведь вы: Советская власть – это все мы! Ленин... Такой же, как мы, изо всех людей избранный человек). Эти строки явно показывают отношение поэта к Ленину и Советской власти. Кроме того, В. Савин совершенно определенно стремится развеять сомнения людей и выражает веру в правоту ленинского дела: *Дыр на тадзи быдтор йылысь Висьтавліс дзик рытъявылөдз: Мыйла НЭП и продналог, Мыйла сьёкыд оласног* (Еще долго о многом Говорил до поздней ночи: Почему НЭП и продналог, Почему жизнь нелегка).

Исследователи также отмечают, что 1930-е гг. можно рассматривать как период, когда ушли «темы любви (кроме любви к Родине) и разлуки, горя и смерти, «интимная» лирика исчезла почти полностью; в это время происходит «самоутверждение советского человека в гармонии со своей страной и народом» [Менцель 2000]. Лирика 20-30-х гг. XX в. пронизана деперсонализацией, и всякие проявления субъектно окрашенной речи от первого лица разоблачались критикой как «ячество» [Советская поэзия]. «Мы» стало главным героем многих стихотворений советских поэтов: «Мы – одно, мы – одно, мы – одно» (А. Крайский), «Мы – крылатое стремление, / Мы – всеильны, / Мы все можем!» (И. Садофьев), «Мы могучи / Нет преград лавинной силе» (Н. Власов-Окский) [Семенова 2001, 15–16]:

Мы не должны, не можем и не смеем
Оставить труд, заплакать и устать:
Мы призваны великим чародеем
Печальный век грядущим обновлять.

Н. Тихонов «Перекресток Утопий»

В стихотворениях с субъектом сознания «мы» поэты усиленно декларировали свою слитность с массами. Общее значение местоимения «мы» – это говорящий + еще кто-то; при этом под кем-то могут подразумеваться один человек, несколько человек или много людей, или все люди на Земле [Купп-Сазонов 2020, 35]. К примеру, в произведении В. Савина «Мый керны?» (Что делать?) субъектом сознания «мы» представлены люди, которые живут всё еще старым укладом, но всё-таки уже готовы сделать шаг вперед:

*Йёжгыльён, нюкырён пыр на ми олам,
Чепёсийём водзё ми эгё на тёдлё.
Асьным шуд дорны кутчысьны полам.
Асьнымёс пыр на ми радейтам ёна;
Ставным на видзёдам мөд вылө лёкөн.*

Сутулясь, сгибаясь, мы еще живем,
Как шагнуть вперед, мы до сих пор не знали.
Строить собственное счастье боимся мы.
Сами себя мы любим крепко;
Друг на друга смотрим мы зло.

Как видим, здесь речь ведется от обобщенного лица. Но в то же время ощутимо, что сознание говорящего выделяется из общего множества «мы» своим критическим взглядом на действительность. Проще было бы организовать текст от «я», но использование формы множественного числа далеко не случайно: говорящий не противопоставляет себя коллективу, а, наоборот, старается перестроить сознание других людей. Авторское «я» произведений В. Савина, наряду с социально-обобщенными чертами, сохраняет и конкретно индивидуальные. В произведениях формируется персонифицированный взгляд, сочетающий личностно-авторскую позицию с периферией более широкого, массового сознания, отражающего заботы и беспокойства времени. Тем не менее, лирическое «я» В. Савина обнаруживается не во

всех стихотворениях, объединенных субъектом сознания «мы». Так, например, в одних случаях он выступает все-таки как индивидуальность:

*Синтõм гутъяс моз ми олам,
Огõ тõдõй югыд туй:
Синъяс восьтны пыр ми полам...
Дась бур вылõ быдõн рад...*

Словно б слепые мухи, мы живем,
Не знаем светлой дороги:
Глаза открыть постоянно боимся...
Каждый рад задаром все получить...

*Быттор быттьõ воас гортõдз...
Абу сідзи, муса вокъяс...
Пемыд олõм колõ вежны,
Колõ восьтны син да юр...
«Югыдлань»*

Будто все само прибудет...
Но не так, милые мои братья...
Мрачную жизнь нашу нужно менять,
Раскрыть глаза и сознание...
«К свету»

В других полностью растворяется в «мы»:

*Ми, витõд во вылõ петигõн,
Огõ нин шогсьõмõн олõ...
Нель воõн уна кодь водзсасим,
Лёк йõзõс ставнысõ вермим...
«Витõд во вылõ петигõн»*

Мы, выходя на пятилетку,
Не живем уже трудно и горестно...
За четыре года много боролись,
Всех плохих людей мы победили...
«Выходя на пятилетку»

И в этом случае лирический герой В. Савина становится не просто отдельным «я»: он – это коллектив, Мы, все общество в целом. Собирательный образ народа – это поэтический образ, воплощающий морально-политическое единство народа-труженика. В сознании поэтов естественно сливаются личность и народ, поэт и общество. Поэтому они и обращаются в своих стихах не от своего имени, а от имени всего народа, от имени коллектива.

Таким образом, стихотворения с образом лирического героя и субъекта сознания «мы» объединяются одним эмоциональным тоном – мечтой о революции и верой в то, что только она может решительно изменить весь уклад жизни. Эта особенность субъектного строя лирических произведений может быть объяснена тем, что поэты стремились следовать идеологически ориентированным параметрам соцреалистического текста. А необходимым структурным элементом для воспроизведения гражданского, патриотического пафоса произведений выступает их ритмико-интонационный строй. Смысловая законченность предложений, словосочетаний придают стихотворениям публицистической лирики характерный ритм, соответствующий настроению и идейному содержанию исторического времени. Мотивный блок стихотворной публицистики В. Савина сформировался революционной романтикой тех лет, и он был общим для поэзии его современников. Конечно, всё это не сводилось только к гражданской лирике, однако именно этот пласт поэзии был наиболее востребован эпохой. Лирический герой В. Савина отождествляется с «народом» как с политически различными знаками эпохи: посланником партии, рабочим, ударником первых пятилеток. В то же время коми поэт соотносит свое внутреннее пространство с природными стихиями земли, воды и солнца, не замыкаясь только в политическо-идейном пространстве советского времени (его песни «Мича нывьяс» – «Красивые девушки», «Югыд кодзув» – «Светлая звездочка», «Веж видз вывті муна» – «По зеленому лугу иду» стали подлинно народными).

ЛИТЕРАТУРА

Ванеев А. Е., Демин В. Н. Поэзия // История коми литературы. В 3-х т. Т. 2. Сыктывкар, 1980. С. 109–127.

Купт-Сазонов С. Кто такие загадочные мы в русском и эстонском языках? (о переносном употреблении форм 1-го лица множественного числа) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. Вып. 1. С. 34–44.

Менцель Б. Советская лирика сталинской эпохи: мотивы, жанры, направления // Соцреалистический канон: сб. статей / под общей ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 953–957.

Поддубнова Ю. С. Вожди герои в поэзии Урала 1930-х гг. // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 6: Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть. Екатеринбург, 2011. С. 259–268.

Семенова С. Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 591 с.

Советская поэзия 20-х годов XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://pdnr.ru/c12171.html> (Дата обращения: 4.06.2020)

Юстус У. Вторая смерть Ленина: Функции плача в период перехода от культа Ленина к культу Сталина // Соцреалистический канон: сб. статей / под общей ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 926–952.

Юсупова Н. М. Идеологические образы как образ-символ в татарской поэзии 1920–1930-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71). В 3-х ч. Ч. 2. С. 44–46.

Юсупова Н. М. Интерпретация Г. Тукая в татарской поэзии 1920–1930-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. 2. С. 207–209.

Lytkin Illavač. Syrjäniläinen kirjallisuus // Suomalainen Suomi. 1926. № 9. S. 184–191.

Enne koitu. Soome-ugri luuleklassikat. Koost. ja tõlk. A. Valton. Tallinn: Virgela, 1996. 102–125.

Käenkukunta yöt. Komien lyriikka. Toim. R. Bartens. Helsinki: SKS, 1984.

Medveének. A keleti finnugor népek irodalmának kistükre. Szerk. Domokos Péter. Budapest: Európa Könyvkiadó, 1975.

Vászolyi Erik. Szavin Viktor Alekszejevics // Világirodalmi Lexikon. XIV. Svád-Szy. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1992.

Поступила в редакцию 17.12.2020

Сурнина Лидия Егоровна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник
Института языка, литературы и истории ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН»
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
e-mail: surninalida@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4189-7980

L. E. Surnina

KOMI POETRY 1920–1930s.: SEMANTICS AND POETICS

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-83-90

The article presents the results of a study of the Komi lyrics of the 1920s – 1930s, in particular the lyrics of V. Savin. The literature of this period solved the following tasks: the establishment and strengthening of the new social system, the education of the working people in the spirit of the socialist ideals of internationalism, the struggle against bourgeois ideology and old morality. The lyrics of the Komi poets were consonant with this process. Their work is the work of poets of the time of the formation of socialist realism, when the "new", Soviet Komi poetry began with publicistic messages. The subject of analysis was V. Savin's poetic journalism. It was revealed that a necessary structural element for reproducing the civil, patriotic pathos of works is their rhythmic and intonational structure and lexical composition. It has been established that in poetic journalism, the main images are the lyrical hero and the subject of consciousness "we", united by one emotional tone. The problems actualized in the work fit into the complex of studies of modern Finno-Ugric literary criticism.

Keywords: Komi lyrics, V. Savin, poetic publicism, compositional organization, lexical composition of works, lyric hero, subject of consciousness "we".

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 1, pp. 83–90. In Russian.

REFERENCES

- Vaneev A. E., Demin V. N.** Poeziya [Poetry]. *Istorija komi literatury*. V 3-h t. T. 2. [History of Komi literature. In 3 volumes. Vol. 2.]. Syktyvkar, Komi kn. izd-vo Publ., 1980. Pp. 109–127. In Russian.
- Kupp-Sazonov S.** Kto takie zagadochnye my v russkom i estonskom yazykakh? (o perenosnom upotreblenii form 1-go litsa mnozhestvennogo chisla) [Who is that mysterious *we* in Russian and Estonian? (on the metaphorical use of the 1st person plural forms)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii*. T. 14. Vyp. 1. [Yearbook of Finno-Ugric Studies. Volume 14. Issue 1]. Pp. 34–44. In Russian.
- Mentsel' B.** Sovetskaya lirika stalinskoj epohi: motivy, zhanry, napravleniya [Soviet lyrics of the Stalin era: motives, genres, directions]. *Socrealisticheskij kanon: sb. statej / pod obshhej red. H. Gjuntera i E. Dobrenko* [Socialist Realistic Canon: collection of articles / under the general editorship of H. Gunther and E. Dobrenko]. St. Petersburg: Akademicheskij prospekt Publ., 2000. Pp. 953–957. In Russian.
- Podlubnova Yu. S.** Vozhdi geroi v poezii Urala 1930-h gg. [Leaders are heroes in the poetry of the Urals of the 1930s.]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sb. st. Vyp. 6: Istoriko-kul'turnyj landshaft Urala: literatura, etnos, vlast'* [Literature of the Urals: history and modernity: a collection of articles. Issue 6: Historical and cultural landscape of the Urals: literature, ethnos, power]. Ekaterinburg, 2011. Pp. 259–268. In Russian.
- Semenova S. G.** *Russkaya poeziya i proza 1920-1930-kh godov. Poetika – Videnie mira – Filosofiya* [Russian poetry and prose of the 1920s–1930s. Poetics – Vision of the World – Philosophy]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2001. Pp. 591. In Russian.
- Sovetskaya poeziya 20-kh godov XX veka* [Soviet poetry of the 20s]. [Электронный ресурс]. In Russian URL: <http://pdnr.ru/c12171.html> (accessed: 4.06.2020)
- Yustus U.** Vtoraya smert' Lenina: Funktsii placha v period perehoda ot kul'ta Lenina k kul'tu Stalina [Lenin's Second Death: The Functions of Crying During the Transition from the Cult of Lenin to the Cult of Stalin]. *Socrealisticheskij kanon: sb. statej / pod obshhej red. H. Gjuntera i E. Dobrenko* [Socialist Realistic Canon: collection of articles / under the general editorship of H. Gunther and E. Dobrenko]. St. Petersburg: Akademicheskij prospekt Publ., 2000. Pp. 926–952. In Russian.
- Yusupova N. M.** Ideologicheskie obrazy kak obraz-simvol v tatarskoj poezii 1920–1930-h godov [Ideological images as a symbol-image in Tatar poetry of the 1920s – 1930s]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 5 (71). V 3-h ch. Ch. 2. [Philological sciences. Questions of theory and practice. 2017. No. 5 (71). In 3 parts. Part 2]. Pp. 44–46. In Russian.
- Yusupova N. M.** Interpretatsiya G. Tukaya v tatarskoj poezii 1920–1930-h godov [Interpretation of G. Tukai in Tatar poetry of the 1920s – 1930s]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 12 (42). V 3-h ch. Ch. 2. [Philological sciences. Questions of theory and practice. 2014. No. 12 (42). In 3 parts. Part 2]. Pp. 207–209. In Russian.
- Lytkin Illavač.** *Syrjäniläinen kirjallisuus // Suomalainen Suomi*. № 9. 1926. S. 184–191. In Finland.
- Enne koitu. Soome-ugri luuleklassikat*. Koost. ja tõlk. A. Valton. Tallinn: Virgela, 1996. 102–125. In Estonian.
- Käen kukunta yöt. Komien lyriikka*. Toim. R. Bartens. Helsinki: SKS, 1984. In Finnish.
- Medveének. A keleti finnugor népek irodalmának kistükre*. Szerk. Domokos Péter. Budapest: Európa Könyvkiadó, 1975. In Hungarian.
- Vászolyi Erik.** *Szavin Viktor Alekszejevics // Világirodalmi Lexikon. XIV*. Svád-Szy. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1992. In Hungarian.

Received 17.12.2020

Lidiya Egorovna Surnina

Candidate of Philology

Researcher, Sector of Literary Criticism

Institute of Language, Literature and History of the

Komi Science Centre of the Ural Branch of the

Russian Academy of Sciences

26, ul. Kommunisticheskaya, Syktyvkar, 167982, Russian Federation

e-mail: surninalida@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4189-7980